

Ин Фэн лишь гораздо позже вспомнил, что так и забыл спросить Цзинь Шу, откуда тот прознал про его день рождения.

Впрочем, поразмыслив немного, он быстро во всём разобрался. В тот день они дома праздновали за чаем с тортом. И пускай сам Ин Фэн не заявлял во всеуслышание о своём празднике, Фэн Лэйлэй вручила ему красный конверт, да и вообще они оживлённо обсуждали это вслух. Наверняка маленький Цзинь Бэйбэй просто проходил мимо и всё услышал. Дело житейское, заикливаться на этом он не стал.

Вернувшись в тот вечер домой, Ин Фэн первым же делом полез в интернет заказывать защитную плёнку для телефона — специальную, антишпионскую, чтобы посторонние не могли разглядеть экран сбоку. Вечно бедствующий учитель Ин, скрепя сердце, раскошелился сразу на две штуки: одну про запас, вдруг с первой напортачит. И лишь завершив покупку, он внезапно осознал, что в этой трате не было ровным счётом никакого смысла.

Ведь шанса снова встретиться с Цзинь Шу у него больше не предвиделось. А до кого ему ещё было дело? Кого, кроме кумира, мог заинтересовать экран его мобильного?

Он поспешил в личный кабинет, чтобы оформить возврат, но оператор службы поддержки жалобно запричитал: товар уже бережно упакован и уйдёт на отправку завтра же утром. Понимая, как нелегко приходится сотрудникам, Ин Фэн сжалился и отменил запрос.

Сразу после этого он принялся судорожно искать в сети ту самую брошь в виде кленового листа. Тревога не давала ему покоя: безумно хотелось выяснить, во сколько же обошлась эта изящная вещица.

Ин Фэн мог искренне гордиться тем, что знал абсолютно все бренды, которые носил, рекламировал или с которыми сотрудничал Цзинь Шу. Будь то строгие костюмы для светских раутов или повседневный уличный стиль — преданный фанат ведал обо всём. Не мешало ему вечное безденежье, он непременно скупил бы весь гардероб кумира. Но, перерыв каталоги каждого модного дома и изучив коллекции за последние два года, он так и не наткнулся на этот кленовый лист.

Очевидно, никакой это не подарок от спонсоров и уж точно не горячая новинка сезона! Даже на всеильном Таобао не нашлось ничего похожего — ни оригиналов, ни дешёвых копий.

Он продолжил поиски вглубь времён, дойдя аж до позапрошлогодних каталогов, но результат оставался нулевым. В конце концов Ин Фэн сдался.

«Может, моих скромных познаний в высокой моде просто недостаточно?»

Решил он, пообещав себе усерднее учить матчасть.

И всё же удержаться от того, чтобы лишний раз полюбоваться подарком, было выше его сил. Он снова открыл коробочку. Брошь казалась невероятно изящной — если не считать благородного металлического отлива, она выглядела в точности как настоящий, сорванный с ветки кленовый лист. Ин Фэн внимательно изучил её под настольной лампой: ни на самом изделии, ни на бархатной подложке не было ни единого логотипа. Скорее всего, это была вещь из личной коллекции Цзинь Шу. Тот, должно быть, просто посчитал, что кленовый лист подойдёт его новому знакомому, а чтобы избежать неловкости и лишних расспросов, деликатно выдумал историю про спонсоров.

Ин Фэн тихонько вздохнул. Его Цзинь Шу был поистине безупречен — невероятно добрый, отзывчивый, настоящий джентльмен, умеющий так тонко заботиться о чувствах других. Не зря он восхищался этим человеком больше восьми лет.

Он бережно разгладил обёртку и вложил её между страниц любимой книги, аккуратно спрятал изящный бантик, а коробочку с брошью убрал в самый дальний угол шкафа. Теперь это были его личные священные реликвии.

Что касается скандала с Ань Гэ, то горячие темы в поисковиках благодаря своевременному вмешательству удалось быстро замять. Кое-какой неприятный осадок остался, но теперь весь общественный гнев обрушился исключительно на самого актёра. На форумах любые попытки очернить Цзинь Шу пресекались на корню: негативные посты испарялись мгновенно, что явно указывало на оперативную работу пиар-службы. Преданные фанаты ликовали, в то время как антифанаты исходили желчью, из кожи вон лезя в попытках уязвить звезду.

Обойти модерацию и скрыть хейтерские публикации от поисковых алгоритмов было не так уж сложно — достаточно использовать аббревиатуры. Так, Цзинь Шу превращался в «js», а его фандом «Капельки дождя» — в «худ». Но со временем эти сокращения приелись, и даже за «js» посты начали нещадно тереть. Неутомимым хейтерам пришлось проявить изобретательность и выдумать новые обидные клички. Особую популярность в сети снискали два прозвища. Первое — «Король двенадцати государств», сокращённо «Двенадцать королей». Корни этой насмешки уходили в прошлое, когда юные и наивные фанатки, захлёбываясь от восторга, перегнули палку и заявили в соцсетях, будто в жилах их ненаглядного «братика» течёт кровь двенадцати благородных династий. Хейтеры с радостью ухватились за этот абсурдный слух.

Второе прозвище звучало как «Кислый дождь». Имя «Шу» в переводе означало спасительный, своевременный дождь, да и преданные поклонники именовали себя «Капельками дождя». Карьера артиста шла в гору, его агенты вели дела жёстко и профессионально, при этом сам он оставался на удивление скромным человеком. Чего нельзя сказать о его фандоме. Высокомерие фанатов раздражало многих, вызывая зависть у конкурентов. «Капельки дождя» привыкли смотреть на всех свысока. Но однажды крупный рекламный контракт Цзинь Шу подошёл к концу, и бренд передал эстафету перспективному новичку. Фанаты тут же принялись публично выражать своё презрение, мол, бренд им и даром не нужен, на что сторонние наблюдатели резонно заметили, что виноград просто зелен. После грандиозной сетевой баталии за Цзинь Шу закрепилась эта едкая кличка.

Хватало и других язвительных прозвищ. Например, «Старое засохшее дерево» — из-за созвучия иероглифа «Шу» со словом «дерево», ведь фанатки ласково величали кумира «моё деревце». Был ещё период, когда по сети пополз слух, будто Цзинь Шу — чистокровный маньчжур, потомок императорского рода Айсиньгёро из сплочённого Жёлтого знамени, сменивший фамилию на китайскую Цзинь. Часть доверчивых поклонниц принялась раздувать эту тему, за что немедленно поплатилась новой порцией издёвок и «королевским» титулом для кумира: Айсиньгёро Юй. И это был далеко не весь список.

По правде говоря, если нападки не переходили границы разумного, не превращались в откровенную клевету или грязные оскорбления, Ин Фэн во время сетевых войн сам едва сдерживал смех. Уж очень комично порой выглядели эти баталии. Когда кто-то строчил в комментариях нечто вроде: «Ой, ну куда нам до товарища Айсиньгёро Юй, Короля Двенадцати Государств и Старого Засохшего Дерева в одном флаконе, связываться себе дороже [улыбающийся смайлик]», Ин Фэн буквально покатывался со смеху.

Он прекрасно отдавал себе отчёт в своих действиях. Понимал, что порой его соратники по фандому бывают несправедливы, и прекрасно знал, что самому Цзинь Шу глубоко плевать на эти детские дразнилки. Обычные люди постоянно сталкиваются со сплетнями за спиной, что уж говорить о звезде мирового масштаба. И всё же сдавать позиции было нельзя. Если тебя поливают грязью, а ты молчишь в тряпочку и проигрываешь спор, это бьёт по престижу твоего кумира. Виртуальная фанатская жизнь, по сути, к этому и сводилась.

В преддверии праздника Дня образования КНР, да ещё и с такой бесценной реликвией на руках, Ин Фэн пребывал в отличном расположении духа. Поскольку страсти в сети улеглись, он смог полностью сосредоточиться на работе. Сразу после каникул ему предстояло провести открытый урок, к которому он сейчас активно готовился. В редкие минуты отдыха, когда на сетевых фронтах царил затишье, он любовался свежими снимками Цзинь Шу и увлечённо обсуждал достоинства кумира с единомышленниками в чате.

Тем временем новый фильм с участием Цзинь Шу — «Отлив» — шёл в прокате уже двадцать дней, а сборы перевалили за отметку в пятьсот миллионов юаней. Продюсеры и съёмочная группа потирали руки от удовольствия. Промо-кампания плавно близилась к завершению, и теперь успех картины зависел исключительно от интереса зрителей.

И именно в этот момент прогремела новость: Цзинь Шу официально стал амбассадором престижного зарубежного ювелирного дома. Причём не просто лицом локальной линейки, а глобальным посланником бренда — первым китайцем, удостоившимся столь высокого статуса. Рекламные баннеры с его изображением должны были украсить мегаполисы по всему миру. Фандом взорвался ликованием. Ин Фэн тоже не сдерживал эмоций: теперь поводов для гордости хватит как минимум на полгода вперёд! Разумеется, в честь такого события фанаты тут же запустили волну праздничных розыгрышей.

Ин Фэн собрал экстренное совещание администраторов фан-клуба. Все единодушно согласились, что для поддержания столь высокого статуса их любимца кассовые сборы фильма «Отлив» должны взлететь ещё выше. Кто-то помогал деньгами, кто-то брал на себя организационные задачи. Обсудив план действий, команда распределила обязанности. В кошельке у самого Ин Фэна оставалось всего несколько сотен юаней на еду до следующей

зарплаты, так что финансово помочь он не мог. Вместо этого он решил за время каникул несколько раз сходить в кинотеатр на повторные сеансы «Отлива» и написать серию подробных, вдумчивых рецензий. Семь дней отдыха также давали отличную возможность подзаработать на фрилансе. Планы на праздники вырисовывались просто идеальные!

Фэн Лэйлэй и Хань Вэйкай встречались уже семь лет и давно планировали свадьбу. Родители с обеих сторон были прекрасно знакомы друг с другом, и если бы не колоссальная занятость Вэйкая, который из года в год выпускал старшие классы, они бы давно расписались. Воспользовавшись редкими каникулами, обе семьи решили отправиться в совместное путешествие. Хань Вэйкай был местным, а Фэн Лэйлэй приехала из другого города, поэтому её родители прибыли в Нанань на день раньше и временно остановились в квартире, которую их дочь снимала пополам с Ин Фэном.

Родители Фэн Лэйлэй относились к Ин Фэну как к родному, да и семья Хань Вэйкая души в нём не чаяла. Если не считать матери, когда-то бросившей его на произвол судьбы, Ин Фэн обладал удивительным даром располагать к себе людей. Они настойчиво звали его поехать вместе с ними, но молодой человек вежливо отказался.

Фэн Лэйлэй даже немного обиделась. Конечно, Ин Фэн понимал, что её мотивы чисты: шицзе просто не хотела оставлять его одного в пустой квартире, к тому же она прекрасно знала о его пустом кошельке. Он бесконечно ценил доброту её семьи, но не мог беззастенчиво пользоваться чужим великодушием.

Когда он в очередной раз извинился перед Фэн Лэйлэй, та лишь досадливо вздохнула и в шутку ущипнула его за щёку:

— Да ты просто ходячее несчастье, вечно о тебе переживать приходится!

Ин Фэн послушно улыбнулся:

— Только ты обо мне так и печёшься, шицзе.

Лэйлэй посмотрела на него с тихой грустью. Со стороны Ин Фэн всегда казался неисправимым оптимистом, но за долгие годы дружбы она поняла: эта жизнерадостность была его единственной защитой. С его прошлым, опусти он руки — и спасти его будет просто некому.

— Фэнфэн, может, тебе уже стоит найти себе парня? — внезапно предложила она.

— Чего? — опешил Ин Фэн, не понимая, с чего вдруг зашёл такой разговор.

— Твой брат Кай уже поговорил с завучем. В следующем году он не будет брать выпускников, так что мы наконец-то сыграем свадьбу. Вчера наши родители обо всём договорились, в следующем месяце начнём ремонт в новой квартире. Как только я съеду, ты ведь останешься

совсем один. Как ты тут будешь?

Улыбка медленно сползла с лица Ин Фэна.

Они познакомились больше восьми лет назад, ещё до того, как Ин Фэн официально стал студентом университета. Фэн Лэйлэй тогда училась на втором курсе. Узнав результаты выпускных экзаменов, он сразу же приехал в Нанань, чтобы подзаработать на оплату обучения, и временно примостился в общежитии у старшего товарища по школе. В день их первой встречи Ин Фэн забился в тесный проход между жилым корпусом и металлической сеткой спортивной площадки, захлёбываясь слезами. Надо же было такому случиться, что сильный порыв ветра унёс сушившуюся одежду Лэйлэй прямо туда. Спустившись на поиски, она наткнулась на рыдающего юношу. Оба тогда неслабо перепугались.

— Эй, парень, ты чего плачешь-то? — осторожно поинтересовалась Лэйлэй.

Ин Фэн поднял на неё зарёванное лицо и сквозь рыдания выдавил:

— Девушка... мне нравится один парень. Я гей.

Самой Лэйлэй тогда едва исполнилось девятнадцать. Опешив на секунду, она простодушно ответила:

— Ну нравится и нравится, делов-то? Нравится — так добивайся его!

Эти слова лишь спровоцировали новый, ещё более отчаянный приступ рыданий. К счастью, у неё с собой оказались бумажные салфетки, одну из которых она протянула несчастному. Попытавшись подняться, чтобы поблагодарить спасительницу, Ин Фэн покачнулся. Лэйлэй вовремя подхватила его, и он, уткнувшись ей в плечо, проплакал ещё добрых полчаса.

С тех пор за многие годы Ин Фэн разучился плакать навзрыд. Но всякий раз, когда на него накатывало отчаяние или жизнь была под дых, его единственным спасением — помимо далёкого, сияющего образа Цзинь Шу, даровавшего душевные силы, — становились тёплые объятия шицзе.

У него предательски защипало в глазах.

На сердце у Лэйлэй тоже стало тяжело, но она упрямо продолжила:

— Я обещала, что буду поддерживать тебя всю жизнь, и от своих слов не отказываюсь. Но я не смогу вечно караулить каждый твой шаг. Рано или поздно я выйду замуж, и как мне со спокойной душой оставить тебя одного? — Она мягко взяла его за руку. — Фэнфэн, давай я познакомлю тебя с кем-нибудь? Просто сходишь на свидание, м?

— Да я...

— И даже не смей заводить свою пластинку про то, что тебе ни до кого нет дела, кроме твоего кумира. Всё это иллюзии, Фэнфэн. Мне важно, чтобы ты был счастлив в реальности, чтобы рядом был живой человек, готовый о тебе позаботиться.

— Я подумаю...

Лэйлэй не стала давить:

— Вот и подумай хорошенько, а после поездки расскажешь. Сразу скажу, кандидат на прицеле у меня отличный. Как созрешь — выложу все карты. И смотри мне, во время каникул питайся нормально. Никакого лапшичного суррогата быстрого приготовления, уяснил?

Ин Фэн понуро кивнул.

Ближе к вечеру обе семьи улетели. Оставшись в квартире один, Ин Фэн обнаружил на кухонном столе тысячу юаней и короткую записку от шицзе с требованием не экономить на нормальной еде. Тяжело вздохнув, он отнёс купюры обратно и аккуратно положил на тумбочку в её комнате.

Вместо этого он уселся за компьютер и принялся за работу. На этот раз он ретушировал вовсе не фотографии Цзинь Шу — подвернулся срочный заказ. Будучи штатным преподавателем государственного учебного заведения, он не имел права подрабатывать в коммерческих школах или давать частные уроки. Физический труд вроде разгрузки вагонов или работы официантом тоже не подходил по статусу. К счастью, многолетний фанатский опыт не прошёл даром: Ин Фэн виртуозно владел Фотошопом, когда-то даже оканчивал курсы дизайна, да и врождённое чувство вкуса его никогда не подводило. Простая графическая вёрстка приносила ему неплохой сторонний доход.

Но сегодня на душе скребли кошки. Ему не хотелось никуда заглядывать. За весь вечер он ни разу не открыл ни Вэйбо, ни рабочий аккаунт в QQ для координации фанатов. Пальцы механически двигали курсор, создавая макет за макетом. Работа затянулась до глубокой ночи, и лишь когда веки начали предательски слипаться, он наконец выключил монитор.

Перед самым сном Ин Фэн всё-таки не удержался и заглянул в Вэйбо. Лента новостей тут же запестрела сообщениями: сегодня Цзинь Шу и Ань Гэ оказались на одном мероприятии. О презентации нового ювелирного бренда Ин Фэн, разумеется, знал. Чтобы подчеркнуть концепцию новой коллекции с сапфирами, организаторы устроили торжество в живописном приморском городке, куда съехались толпы репортёров. Подобные события никогда не обходятся без приглашённых гостей из мира шоу-бизнеса, и Ань Гэ был одним из приглашённых звёзд. Ювелирный дом вовсе не пытался намеренно столкнуть актёров лбами — списки гостей утверждались ещё пару месяцев назад, да и утончённый стиль актёра идеально гармонировал с философией бренда. Раз уж они оказались на одной площадке, совместных кадров избежать не удалось. И хотя Цзинь Шу ни разу не позировал перед камерами наедине с

Ань Гэ, дотошные любители сенсаций умудрились вырезать их из общих планов и склеить вместе.

После недавнего скандала у этой вымышленной парочки уже успел образоваться костяк преданных шипперов, которые теперь праздновали триумф. Разумеется, официальные фандомы обоих артистов тут же пошли на них войной. В общем, ночь в сети выдалась жаркой и бурной.

Ин Фэн откинулся на подушки, уныло разглядывая смонтированные снимки. Честно говоря, правы были шипперы: даже без всякого фотошопа эти двое смотрелись вместе на редкость гармонично. Но Ин Фэн-то знал правду — у Цзинь Шу была семья, жена и ребёнок. Кумир был стопроцентно гетеросексуален. Никакой зависти к Ань Гэ он не испытывал, и уж тем более у него не возникло желания строчить в его адрес проклятия.

Его ранили слова Лэйлэй. На общих планах рядом с безупречным Цзинь Шу блистал Ань Гэ.

«А кто я на этом празднике жизни?»

Они оба принадлежали к иному, недостижимому миру роскоши, на который он мог лишь благоговейно взирать издали. Он никогда не питал иллюзий насчёт непреодолимой пропасти между ними и уж точно не пытался её перешагнуть. Но каждое новое напоминание об этом заставляло его сердце сжиматься от щемящей тоски и растерянности.

Он зашёл в личные сообщения с официальным аккаунтом Цзинь Шу. Целая цепочка его писем была отмечена значком «прочитано». Но Ин Фэн не строил иллюзий: сообщения просматривали наёмные менеджеры. Порой из-за авралов на работе он забывал написать ежедневное послание кумиру. Сегодня он прекрасно обо всём помнил, но осознанно закрыл вкладку диалога.

На сколько ещё хватит его запала? На самом деле он мог бы продолжать эту негласную традицию вечно — жизнь без поддержки Цзинь Шу казалась невыносимой. Но позволит ли ему суровая реальность и дальше витать в облаках?

Всё вокруг стремительно менялось. Люди выросли, сдавали экзамены, оканчивали университеты и завязли в рабочей рутине. Цзинь Шу когда-то начинал свой путь незаметно, затем взлетел на вершину славы, а теперь уверенно менял амплуа. Шицзе готовилась примерить свадебное платье, Цзинь Шу триумфально утвердился в новом статусе. А он? На что уходят годы простого школьного учителя Ин Фэна? Сколько ещё он сможет бежать за ускользающим призраком чужого величия? Время неумолимо, и мало кому под силу противостоять его течению. Он преданно следовал за своим кумиром больше восьми лет.

«Но что ждёт меня впереди?»

Ин Фэн открыл поле ввода. Набирал фразы одну за другой, тут же безжалостно стирая их. В

конце концов на экране остались лишь два коротких слова: «Спокойной ночи».

Сообщение мгновенно сменило статус на «Прочитано». Он отбросил телефон на прикроватную тумбочку, выключил свет и, натянув одеяло по самые уши, попытался уснуть.

<http://bllate.org/book/20637/2130820>